

Не смей спрашивать

Хуан Кэцзи едва исполнилось шестнадцать, но выглядел он гораздо старше своих лет. Смуглая, обветренная кожа, лицо, отмеченное печатью недетской суровости, и ладони, покрытые грубыми мозолями... Если бы не ясный взгляд, в котором ещё не было той усталой сети кровавых прожилок, Сяо Жун мог бы принять его за тридцатилетнего мужчину.

Они оба происходили из знатных семей, и Сяо И, хоть и не ведал в жизни роскоши, всё же не превратился в такое подобие старого вояки. А ведь клан Хуан процветал, и юношу никто не выгонял из дома.

Хуан Кэцзи оказался человеком на редкость неразговорчивым. Выслушав прямолинейную речь интенданта, он не выказал ни капли удивления: лишь слегка приподнял голову, мимолётно взглянул на собеседника и снова понурился.

«...»

В исторических хрониках о Хуан Кэцзи не было ни слова — вероятно, он скончался в ранней юности. Даже без вмешательства Цюй Юньме юноша оставался для Хуан Яньцзюна костью в горле, а устранять помехи до начала великих свершений было вполне в духе инспектора.

— Я не намерен играть с тобой в иносказания, — продолжил Сяо Жун. — У тебя мало времени, да и я весьма занят. Армия Чжэньбэй вошла в Чэньлю лишь два дня назад, дел в городе невпроворот, так что давай поговорим начистоту.

Хуан Кэцзи положил руки на колени и сжал их в кулаки. Спустя мгновение он наконец глухо произнёс:

— Я внимаю вам.

«...»

Откуда у мальчишки такой зрелый голос? Природная хрипотца с благородным низким тембром... Будь он хоть немного краше лицом, наверняка стал бы грёзой многих дев, но, увы, внешность его слишком уж «поторопилась».

Отогнав посторонние мысли, Сяо Жун посерьёзnel:

— Ты и сам прекрасно видишь, какая ловушка скрывалась во вчерашнем подношении меча. Хуан Яньцзюн — человек жестокий и скорый на расправу. Он с лёгкостью пожертвовал тобой,

решив вымостить твоей головой путь к собственной выгоде. А значит, он так же легко сразит тебя в седле ради своей безопасности. Если я не ошибаюсь, тебе не суждено живым вернуться в Цзяньнин.

Собеседник не поднимал головы:

— Почему интендант говорит мне это?

— На то есть много причин, — вздохнул Сяо Жун. — Мне претит видеть, как Хуан Яньцзюнь истребляет плоть и кровь родного брата. К тому же я опасаясь, что он без зазрения совести свалит это преступление на армию Чжэньбэй. В конце концов, помочь человеку в беде — долг каждого. Но какими бы вескими ни были эти доводы, главная причина, по которой я и Великий ван обязаны вмешаться, — это твоё имя.

Юноша молчал, ещё крепче сжимая кулаки. Сяо Жун, заметив это движение, продолжил:

— Кто прав, а кто виноват в делах минувших лет — каждый судит по своей совести. Я не стану ворошить прошлое. Сегодня мы говорим о настоящем, и я даю тебе слово: пока жив Великий ван, пока стоит армия Чжэньбэй и пока дышит хоть один человек, облагодетельствованный твоим отцом, мы не позволим притеснять или тайно изводить его наследника.

— Прежде армия Чжэньбэй не ведала о деяниях Хуан Яньцзюня и не могла прийти тебе на помощь. Но теперь всё иначе. Тот факт, что ты сидишь здесь, передо мной — воля Великого вана. Ирония судьбы: Хуан Яньцзюнь изводит тебя лишь за то, чьим сыном ты являешься, а для нас то же самое родство делает тебя почётным гостем.

Интендант говорил с чувством, надеясь разбередить душу собеседника, и вдруг с изумлением заметил, как по лицу Хуан Кэцзи покатались крупные слезы, кадая прямо на колени.

«...»

Неужто разрыдался?! Он ведь ещё даже не начал по-настоящему взывать к чувствам!

Сяо Жун не знал, что Хуан Кэцзи годами жил под невыносимым гнѐтом. Будучи жертвой, он острее всех чувствовал ненависть дяди, но идти ему было некуда — дом Хуанов был и его домом. Обида копилась в его сердце: он был сыном Хуан Яньциня, он не заслужил такого обращения, и его покойный отец не должен был оставлять его в такой беде.

Сяо Жун невольно наступил на самую болезненную мозоль в его душе. И как бы сурово ни выглядел Хуан Кэцзи, внутри он оставался шестнадцатилетним подростком, только что пережившим смертельную опасность. Сейчас он был беззащитен как никогда.

Интендант лишь внешне сохранял невозмутимость, в душе же он пребывал в полнейшем

смятении. Довести человека до слёз было легко, но вот утешать он совершенно не умел. Он попытался вернуть беседу в спокойное русло, но чем мягче становился его тон, тем сильнее рыдал юноша — слёзы лились из его глаз точно жемчужины с оборванной нити.

«...»

Полный провал.

Лишь спустя четверть часа Хуан Кэцзи наконец успокоился. С покрасневшими глазами на темном, не по годам старом лице он представлял собой зрелище донельзя странное. Сяо Жун, с трудом справившись со сложной гаммой чувств, вернулся к заготовленной речи:

— Изначально я хотел предложить тебе просто покинуть дядю. Но видя твои слёзы... Я понимаю, сколько горечи ты скопил за эти годы.

Паренёк шмыгнул носом, и в его глазах снова заблестела влага. Сяо Жун поспешно перебил его:

— ...Но теперь я передумал! Я предложу тебе два выбора!

Слёзы юноши мгновенно высохли. Он с недоумением воззрился на интенданта и спросил глухим, надтреснутым голосом:

— О каких выборах вы говорите?

Когда Хуан Кэцзи наконец ушёл, Сяо Жун почувствовал себя совершенно опустошённым. Люди этой эпохи редко выставляли чувства напоказ; за всё время своего пребывания здесь он ни разу не видел, чтобы кто-то плакал. Не считая, конечно, старой госпожи Чэнь, которая в моменты помутнения рассудка могла принять торговку овощами за родную мать и с плачем вопрошать, как же та дошла до такой жизни.

Сяо Жун сидел в беседке посреди озера, восстанавливая душевные силы — это был его излюбленный способ справиться с истощением. Внезапно на противоположном берегу показался девичий силуэт. Даньжань, заметив интенданта, просияла и радостно примчалась к нему.

Прежде Сяо Жун интересовался у Цюй Юньме, как тот намерен устроить людей племени Бутэу. Великий ван ответил, что выделит им гору, где они смогут построить свои дома. У заставы Яньмэнь они жили именно так: лишь Агусэцзя и её лекари обитали в цитадели, да и то лишь потому, что выбранная гора была слишком далеко от лагеря. В случае беды они просто не успели бы помочь раненым.

В Чэньлю всё было иначе: местность здесь равнинная, дороги удобные, а войско расположилось у подножия одного из холмов. Агусэцзя сразу решила, что всё племя останется вместе.

Сяо Жун не одобрял их затворничества. Посторонние не поймут, что племя просто держит особняком, дабы не вызывать кривотолков. Люди решат, что Бутэу — нелюдимые гордецы, которые смотрят свысока на жителей Чжунъюаня. Будь они просто наёмниками Великого вана, Сяо Жуну было бы всё равно. Но они были его родней по материнской линии, и их поведение мир невольно связывал с волей самого Цюй Юньме.

Размышляя об этом, Сяо Жун встретил подбежавшую Даньжань мягкой улыбкой и вежливо сложил руки в приветствии:

— Девушка Даньжань.

Девушка замерла как вкопанная. Немного помешкав, она неловко присела в глубоком поклоне, подражая знатным дамам:

— Господин Сяо.

В её исполнении этот жест выглядел донельзя комично. Сяо Жун не сдержал смеху, но тут же прикрыл рот рукой, скрывая улыбку за лёгким кашлем.

— Девушка искала меня по какому-то делу?

Даньжань почесала затылок, явно сбита с толку торжественностью момента. Спустя мгновение она вспомнила:

— Наро велела спросить, когда у вас будет время. Она хочет снова прочистить ваши энергетические каналы.

«...»

— Ну... в последнее время я завален делами. Как-нибудь в другой раз.

— А когда наступит этот «другой раз»? — полюбопытствовала девушка.

Сяо Жун невозмутимо улыбнулся:

— Как только выкрою свободный час, я пришлю за вами человека.

Даньжань прищурилась: эти слова прозвучали так, будто продолжения можно было не ждать вовсе. Она хотела расспросить подробнее, но интендант пригласил её присесть на то место, где только что был Хуан Кэцзи, и пододвинул блюдо с фруктами:

— Скажи, Даньжань, ты ведь с малых лет росла среди людей Бутэу?

Девушка уставилась на фрукты: ей очень хотелось угоститься, но воспитание не позволяло. Лишь спустя минуту она подняла взгляд и, смущённо улыбнувшись, кивнула:

— Угу.

— Тогда не расскажешь ли ты мне что-нибудь интересное об обычаях твоего племени?

Даньжань захлопала ресницами. Видя её колебание, Сяо Жун ещё ближе пододвинул тарелку.

Спустя полчаса Сяо Жун невольно подивился искренности этой девушки: за горсть фруктов она выложила ему всю подноготную своего рода. Интендант узнал много нового: например, Даньжань называла Цюй Юньме «миньцзи». Это слово означало любого мужчину из поколения родителей, состоящего в родстве. Иногда так называли и отца, но чтобы не путать, родного родителя именовали «чжала миньцзи».

На вопрос Сяо Жуна, почему для отца есть особое слово, а для матери — нет, Даньжань объяснила: в племени Бутэу и мать, и все её сёстры — хозяйки дома и его опора. Все дети растут вместе, и только отца нужно знать в лицо, чтобы заботиться о нём в старости. Матери же — общая забота, и делить их незачем.

«...»

— И много ли сестёр у твоей матери? — спросил он, гадая, не придётся ли бедной девушке в будущем опекать пять-шесть матушек разом.

Даньжань растерянно моргнула:

— Моя мать... Есть у неё сёстры или нет — неважно. Она китаянка, я зову её аня. И заботиться я буду только о ней одной.

Сяо Жун опешил. Он полагал, что мать Даньжань тоже из племени Бутэу, раз девушка так органично вписывалась в их уклад. Оказалось, она дочь женщины из Чжуньюаня. Но как китаянка могла принять такие нравы? Разве она не должна была учить дочь ведению хозяйства и женским премудростям?

Сяо Жун внезапно вспомнил день казни Ли Сюэхэна. Тогда он заметил в толпе двоих людей в

простых одеждах. Издалека он не разглядел лиц, но теперь догадка озарила его ум:

— Скажи, ты ведь ходила смотреть на казнь Ли Сюхэна?

Девушка кивнула.

— И женщина рядом с тобой была твоей аней?

Даньжань снова кивнула, но, сочтя это недостаточным, добавила:

— Наро говорит, что аня больна. Это болезнь, которую даже она не может исцелить, поэтому аня не хочет выходить из дома и ни с кем не говорит. В тот день мы впервые вышли вместе. Она крепко держала меня за руку, вот так.

Девушка с гордостью показала, как мать сжимала её ладонь — обычный жест, но Даньжань сияла от счастья. Она выглядела такой окрылённой, какой не была даже при виде сладких фруктов.

Сяо Жун, кажется, начал кое-что понимать. Он лишь поджал губы и мягко улыбнулся. Не желая продолжать болезненную тему, он выждал паузу и сменил направление беседы:

— Глава Агусэцзя — человек, преданный врачеванию. Когда она в прошлый раз прочистила мои каналы, я сразу почувствовал прилив сил. Но есть поговорка: «работать за закрытыми дверями» — значит топтаться на месте. Сейчас нет войны, и я подумал: не пожелает ли глава Агусэцзя приехать в Чэньлю? Мы выберем место, где она сможет бесплатно лечить простых горожан. Не нужно браться за тяжёлые недуги, пусть лечит то, в чём вы мастера. Если понадобятся травы — пишите счета на моё имя. Только, прошу, забудьте про Яньнюйшэнь — казна армии Чжэньбэй сейчас пуста, и такие снадобья нам не по карману.

Собеседница была ещё мала и не поняла, что Сяо Жун тактично пытается вывести племя в свет. Она лишь задумчиво коснулась щеки:

— В чём мы мастера? Пожалуй, в лечении ушибов и переломов.

Сяо Жун кивнул. Верно: охотники всегда знают толк в правке костей. Даньжань снова заулыбалась и уже хотела расспросить о деталях, как вдруг с берега донёлся низкий голос:

— Даньжань?

Спина девушки мгновенно окаменела. Она вскочила и пулей умчалась прочь.

«...»

Глядя на то, как она сверкает пятками, интендант невольно вспомнил её слова о том, что он и Цюй Юньме — одно лицо.

Вскоре к беседке размашистым шагом подошёл его «двойник». Казалось, Великому вану тесно в павильоне — ему пришлось чуть склонить голову, чтобы войти под свод крыши. Даньжань скрылась слишком быстро, и Цюй Юньме, оставив попытки её догнать, подозрительно уставился на Сяо Жуна:

— О чём вы двое толковали?

Сяо Жун взглянул на него и прищурился:

— Великий ван и в прошлый раз вопрошал об этом же.

Государь опешил. Сяо Жун поднялся и сделал шаг навстречу, отчего тот невольно отступил. Увидев эту реакцию, юноша обворожительно улыбнулся:

— Любопытно мне, о чём же Великий ван так страшится услышать из моих уст в беседе с девицей Даньжань? Желаете ли вы поведать мне об этом здесь и сейчас, или мне всё же дождаться новой встречи с ней и расспросить её саму как следует?

Цюй Юньме нахмурился:

«Ты становишься всё более дерзким!»

— Не вздумай расспрашивать, слышишь?!

<http://bllate.org/book/15355/1423139>